

Ткач Ольга

социолог, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург). Научные интересы - социальная стратификация, социальные трансформации в постсоветской России, биографический метод, социология повседневности, исследования миграций, гендерные исследования. Последние публикации: Генеалогический поиск в современной России: реабилитация «истории» через семейную «память» // *Ab Imperio* №3, 2004. (в соавт. с Е.Здравомысловой); «Мы ищем – Вы находите»: профессиональное поле практической генеалогии // *Антропология профессий: Сб. науч.ст. / Под ред. П.В.Романова, Е.Р.Ярской-Смирновой*. Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований; Изд-во «Научная книга», 2005.

tkach@indepsores.spb.ru

В поисках родословной: изобретение традиции?

Статья подготовлена по материалам исследования «Организационная инфраструктура и социокультурное значение генеалогического поиска», проведенном 2003-04 гг. в Санкт-Петербурге¹ - интервью с людьми, увлеченными поиском корней (в том числе, дворянских) и обладающими глубокими знаниями истории своей семьи, а также профессиональными генеалогами.

Профессиональные и любительские исследования прошлого, получившие широкое распространение в советском обществе, претендуют на формирование новой истории, которую интересует не канонизированная истина, а прошлое-идентичность, вписанное в индивидуальную и семейную биографию. Статья написана с целью продемонстрировать, каковы социальные и культурные практики, формирующиеся вокруг одного из вариантов реконструирования прошлого – генеалогических поисков. Иными словами, каким образом, вековая традиция и практика культа предков приживается в современности

Наиболее емкие метафоры, описывающие активность исследователей родословных – путешествие или приключение. Движимые стремлением к обретению корней, генеалогии-любители конструируют самые разнообразные культурные формы присутствия прошлого в настоящем: досуговую, игровую, клубную, исследовательскую и т.д. Дворянские собрания – один из ярких примеров современной интерпретации «благородной» семейной истории.

В заключение рассматриваются те возможности и ограничения, которые предоставляет исследователям-любителям генеалогический поиск. С одной стороны, творческое обращение с прошлым, не имеющее отношение к канонизированной истории, расширяет горизонты самоопределения. С другой – формирует новые границы как для индивидуального и семейного биографического сценариев, так и для новой национальной истории.

¹ Автор выражает признательность Центру независимых социологических исследований за финансовую поддержку проекта и лично Елене Здравомысловой за инициирование исследования и сотрудничество.

*Лучшее, что нам дает история, -
это возбуждаемый ею энтузиазм.*
И.Гете

*И почему так странно все сложилось?
хотел отстроить ветвь
а древо получилось...*
Из творчества посетителей сайта
«Всероссийское генеалогическое древо»²

Реконструкция (семейного) прошлого: современная версия

О том, насколько значимыми могут быть для человека знания о предках, я убедилась примерно два года назад, когда случайно встретила в Публичной библиотеке в Петербурге бывшего соседа по общежитию, неприметного пенсионера, работавшего в то время лифтером. Оказалось, что он увлекся изучением истории своего рода и смог проследить семейную цепочку до XVI века, а некоторые фрагменты родословной стали предметом особой исследовательской гордости. Например, он обнаружил среди своих предков польских дворян Водзинских, причем одна из представительниц этой фамилии была возлюбленной Шопена, коей посвящено немало произведений композитора. Внушительная стопка книг и записей рядом с моим знакомым свидетельствовала о том, что эта история – не плод его фантазии, а результат длительной работы. На моих глазах скромный пенсионер превращался в счастливого создателя и обладателя собственной, принадлежащей только ему, Истории.

По свидетельствам профессиональных исследователей родословных – генеалогов – на сегодняшний день этот эпизод не уникален, и потомок музы Шопена вовсе не одинок в своих изысканиях:

А потом (в начале 1990-х гг. – О.Т.)...к нам в эту комнату (помещение Института генеалогических исследований в Санкт-Петербурге – О.Т.) стали приходить люди со своими вопросами: «А как? (искать родословную – О.Т.)». В этих вопросах мы захлебнулись... в индивидуальных беседах с людьми... просто сил никаких не стало хватать ни на что. ...Шефу без конца домой звонили, сюда звонили... Люди приходят, причем этот поток никак не регулируемый, понимаете? (из интервью с профессиональным генеалогом)

Каковы же обстоятельства, задающие импульс подобной страсти? Современность мимолетна и непрочна. Она представляет собой мир, где ни о чем нельзя знать наверняка, мир, который образуют одноразовые вещи, фастфуды и реалити-шоу, нивелирующие противопоставление эрзаца и подлинника, сопутствующие формированию мозаичных социальных идентичностей и практик. Диверсификация форм социальности связывается исследователями со становлением индивидуализированного общества (см. Бек, 2000; Бауман, 2002 и др.), предлагающего современному человеку внушительный список факторов риска и неуверенности. Ослабление «подпорок» традиции, разрушение биографических канонов, неопределенность будущего интенсифицируют поиски чего-то «реального», основательного, того, что гарантировано не выйдет из моды, не потеряет смысл, не обесценится и не устареет со скоростью нового Pentium'a. Так в фокусе интереса оказываются события минувших времен, куда устремлены взоры и надежды наших современников. Пьер Нора рассматривает этот социальный «поток», устремленный в прошлое, порожденный экзистенциальным, не всегда эксплицитным, чувством утраты, как пример более широкого общекультурного процесса - «децентрализации общенациональной памяти» (см. Nora, 1989; Нора, 1999, 2005). Его суть состоит в том, что историей становится не спущенный «сверху» гегемонный метанарратив, а память каждого из нас, то, что люди сами вольны помнить, вспоминать, запоминать или забывать. Отвергая унифицированную «национальную память» и реконструируя прошлое, актуальное для своего

² Сайт «Всероссийское генеалогическое древо»: <http://www.vgd.ru/STORY/stih.htm>. Последнее посещение 3.12.2004.

настоящего, своего «Я», своей личной идентичности, современный «человек-память» (memoir-individual) находит движущую силу социальной и исторической преемственности, казалось бы, утраченной постмодерном.

Названные процессы особенно характерны для России, где с началом перестройки гражданин получил «историю в собственность», а монодискурсивную историческую истину сменила мозаичная картина живых воспоминаний. На протяжении всего советского периода «принадлежа к сообществу великой Социалистической Родины, ее гражданин провозглашался субъектом единственно правильной версии истории, которая движется революционными скачками, преодолевая менее совершенные общественно-экономические формации и стремясь к абсолютному совершенству коммунистической эры» (Сандомирская, 2001: 80). Эта история принадлежала всем и никому, а сюжеты, которые не вписывались в нее, официально объявлялись маргинальными, умалчивались и забывались. По словам одного из информантов, увлеченных своей родословной, «мы знали историю: до 1917 года был Петр I, а все остальное ужасно. Я помню, как учительница истории говорила мне следующим образом: «... я тебе расскажу, что надо знать, больше тебе ничего не надо знать»». С конца 1980-х - начала 90-х гг. в российском обществе начался процесс эмансипации от навязываемой государством репрезентации прошлого, когда «священная советская история» кроилась и присавивалась различными социальными группами и индивидами. Отовсюду слышались призывы вспомнить, переосмыслить, дать высказаться. Они были особенно актуальны для потомков репрессированных и принадлежавших к дореволюционным сословиям (дворянству, купечеству, духовенству и пр.), представителей этнических общин. Память стала рассматриваться как «пространство свободы», индивидуальной, групповой, поликультурной. Табу на забвение (и, как следствие, на молчание) как общенациональный императив вызвало, в том числе, всплеск общественного интереса к семейным корням. Этот интерес и сегодня продолжает подпитываться идеологией исторического реванша, нацеленного на восполнение утраченных в советское время семейных историй, восстановление связи поколений:

Нам, большинству, о прадедах-то наших ничего не известно. Октябрьская революция семнадцатого года, «великий перелом» начала тридцатых сделали наших дедов и отцов «иванами, не помнящими родства» (Бударин, 2000: 11).

Культурное движение по поиску родословных не замыкается на определенной социальной группе, оно демократично, и образовано, с одной стороны, индивидуальными гражданскими инициативами, а с другой – общественными организациями и профессионалами (правозащитниками, генеалогами, журналистами, педагогами и пр.)³. Призывы популярной генеалогии к обретению, восстановлению семейных корней⁴, объявления генеалогических конкурсов, например, «Задумайся над своей родословной», «Корни и крона» (Галкина, 2002: 10) находят отклик в различных социальных средах. Как бы притягательно не было семейное прошлое для индивида и общества, интерес представляют те социальные и культурные формы, которое оно обретает, переключив усилиями исследователей родословных в сегодняшнюю повседневность.

Путешествие в прошлое: для кого и почему это интересно?

Интерес к родословной легко спутать с чувством ностальгии, неизбежной тоской по былым временам. Безвозвратно утерянные, навсегда ушедшие в прошлое, песни, улицы, люди, события экспонируются как живые бесценные картины в галерее воспоминаний, девальвирующих настоящее. Мотивация к восстановлению истории семьи также может основываться на стремлении к эскапизму, избеганию навязанных социальных правил:

³ Подробнее о специфике биографической работы и возрождении генеалогических изысканий в постсоветской России см. Здравомыслова, Ткач, 2004.

⁴ Слоган сайта «Всероссийское генеалогическое древо»: «Сайт для тех, у кого есть предки». См. www.vgd.ru

Мой личный интерес к истории (семьи – О.Т.) был, как раз связан с уходом от советской действительности. Как страус голову в песок зарывает, я пытался уйти в глубь веков, потому что мне, честно говоря, не нравилось то, что было, я это не воспринимал (м, 1962 г.р.).

...уважая наследие своей семьи, я в общем... честно говоря, никогда и даже до перестройки...не думала, что буду жить так, как они. ...не очень мне все это нравилось, т.е. жизнь очень стабильная, каждый день похож на другой. ... Все было всегда на одном и том же месте, в квартире никогда ничего не менялось, вот как с детства ...Лето каждый раз одно и то же, каникулы...на даче. В общем, я так на это все смотрела и мечтала о чем-то другом. Я все время ходила и говорила, что я буду жить не так. ... но человеку, для того, чтобы жить не так, нужны какие-то ресурсы. Для того чтобы себя как-то проявить, нужно чем-то обладать...И в принципе, я использовала знание истории своей семьи в своей профессиональной карьере, если можно так выразиться (ж, 1974 г.р.).

Вместе с тем, увлечение родословной не несет в себе той болезненной привязанности к пережитому, созерцательности, безвыходности, которые присущи ностальгии. Восстановление семейной истории предполагает активное освоение прошлого, его оценивание и увязывание с настоящим; оно, скорее, подобно путешествию в прошлое или приключению. Однако в отличие от Зиммелевского приключения, которое «находится вне непрерывности всей остальной жизни, ... (и) по самому своему смыслу не зависит от предшествующего и последующего» (Зиммель, 1996: 212, 213), в котором форма берет верх над содержанием, приключение, связанное с поиском родословной крепко вплетено в ткань биографии «путешественника в прошлое». И не просто вплетено, а серьезным образом укрепляет или видоизменяет ее. Удивительно, как приключение, связанное с семейной историей, сочетает в себе, с одной стороны, кропотливую, методичную, напоминающую археологические раскопки «работу по демонтажу, переустройству и формированию собственной идентичности» (Бауман, 2002: 190), и дух авантюризма, исследовательского азарта, детективного расследования, - с другой.

Поиск родословной может предваряться коммерческой сделкой с профессиональным генеалогом и ориентироваться на подтверждение уже известных данных.⁵ Мои информанты, увлеченные историей рода, не собираются на ПМЖ за границу и не являются богатыми наследниками зарубежных аристократов. Их поиски лишены какого бы ни было прагматического интереса, о чем прямо или косвенно заявляли рассказчики. Практически все интервью начинались словами «мне это очень интересно», но интерес этот невероятно сложно вербализовать. Он может быть закономерным продолжением детского увлечения, в таком случае информантам достаточно сложно зафиксировать тот момент, с которого начался поиск. Другой вариант - осмысление и выделение той точки отсчета, события в жизни, с которого началось формирование интереса. В таком случае восстановление истории семьи воспринимается как моральный долг перед предками или ответственность перед потомками:

Не так давно у меня умерла мать, и сестра, разбирая её вещи, нашла какие-то документы, связанные с отцом и вообще, предками, и передала их мне. И тогда я заинтересовался как раз. ... Вообще какие-то разговоры в семье о предках были, но все эти разговоры остались разговорами. Живёшь ведь в вечной суете. И вот в этой суете времени остановиться и оглянуться особо нет. Нужны какие-то внешние силы, которые заставят это сделать. Вот это и произошло (м., 1948 г.р.).

задуматься об этом меня заставил... факт рождения дочери, потому что я себя осмысляю себя не как единицу некую, которая просто так живет, а которая совершенно четко привязана к этому человеку... Это заставляет уже совершенно иначе переосмысливать не только там свои личные опыты, но и вот жизнь своей семьи, и историю своей семьи. Именно поэтому для меня это так актуально (ж, 1966 г.р.).

⁵ Как правило, «коммерческая генеалогия» востребована заказчиками, планирующими переезд за рубеж.

Как правило, приключение начинается с исследования семейного архива (сохранившихся документов, фотографий) и опроса ныне живущих родственников. Мои информанты нередко встречались с сопротивлением, страхом родных – как правило, родившихся в 1930-40-х гг. - которые продолжают умалчивать важные фрагменты семейной истории. Эта таинственность, загадочность лишь подогревает дальнейший интерес к поиску недостающих звеньев истории рода:

Я все домогалась. Я говорю: «Папа, расскажите, а кто Ваши родители-то были, откуда Вы вообще родом, и что?» - «А зачем тебе?». Я говорю: «Ну, вот внука у Вас растет, внуки у других детей, там еще у дочки внуки. Ну, откуда?» - «Не надо». Все, молчок. ... И мать, свекровь, сидит и говорит: «Да отец у него священник был». Как он вскинулся! Вот я поняла, как страх жил вот до конца.... В общем, он страшно боялся этого. И он так раскричался, и матери сказал: «Замолчи, замолчи!». И она замолчала (ж, 1948 г.р.).

Ну, например, когда в начале перестройки начался вал публикаций о репрессиях, я спросила у мамы, не был ли кто-то в нашей семье репрессирован. Мама с бешеным раздражением ответила, что у нас самая простая семья, у нас никто никогда не был репрессирован. «И вообще, в связи с чем такой интерес?». Мне очень странно. Наверняка, кто-то был репрессирован, раз такое раздражение. Почему она молчит? Не знаю. Надеюсь, я получу ответы на эти вопросы (ж, 1966 г.р.).

Пытаясь открыть эти семейные тайны, искатели родословных отправляются в библиотеки, архивы, генеалогические институты, на консультации с профессионалами⁶, едут в места проживания предков и ныне живущих родственников. Они возвращаются из этих трудных, волнующих, путешествий с внушительной коллекцией памятных «сувениров» - посланий прошлого, - суть которых выражается простым тезисом: «Родословная – это судьба». Сквозной здесь является идея наследственности семейных качеств, предначертанности жизненного сценария, ценности традиции и семейной репутации. Сюжеты собственной жизни – минувшие, настоящие и будущие - и жизни потомков переинтерпретируются и переписываются в ретроспективе получаемой генеалогической информации:

...вот она, вообще внешне, моя бабка, - говорят, что я с характером и всем остальным... у нее тоже вздорный характер был. Так что – похожа на нее (ж, 1926 г.р.).

Петя вот, папин внук, он, сейчас ему 19, и папа, когда уходил в армию, очень похожи. Вот что-то есть такое. Раньше мы не видели этого, а сейчас кажется просто по фотографии, что одно лицо. Даже страсть к охоте. Дедушка вот охотник был, чирков стрелял, и Вася тоже. Подарили ему даже ружье, он вступил в «Общество охотников» (ж, 1948 г.р.).

В принципе, такой вот типичный у служилых людей (сценарий – О.Т.)... т.е. всегда служили. Я ...в свое время ушел на службу, у меня жена даже беременная была, исходя из того, что у меня все предки всегда служили военную службу, и негоже от нее косить, от нее уклоняться (м, 1962 г.р.).

История семьи становится тем уникальным инструментом, который позволяет придать одновременно и равновесие, стабильность, и динамику жизненному пути потомка. Искатели корней говорят, что им необходимо «зацепиться за предка», чтобы продолжать двигаться дальше. Повторение или копирование возможных поведенческих линий пращуров выбираются как способ нахождения «своего места в жизни». «Конденсат» опыта предков становится основанием

⁶ Подробнее об организационной инфраструктуре генеалогического поиска и о типах взаимодействия генеалога-профессионала и заказчика генеалогических услуг см. Ткач, 2005.

«рационального» выбора в сложных ситуациях. Отсутствие знаний об истории рода вызывает «провисание» биографии человека, нередко создает у него чувство неуверенности и вины.

Путешествие в семейное прошлое – не легкомысленная прогулка, а трудный выбор между осознанной необходимостью «раскопать» семейную историю, но вероятностью совершения нелицеприятных открытий, опасностью вызвать неприязнь близких лишними расспросами, отсутствием источников информации, дороговизной архивных запросов и невысокой скоростью их выполнения, наконец, элементарным незнанием этапов генеалогического поиска. И такой выбор, как правило, индивидуален:

И я понимаю, что кроме меня его не сделает никто. ...если я сейчас не продавлю... и мама не расскажет, и уйдет этот пласт, потому что мама единственный человек в семье и все, и рассказать о бабушке и дедушке просто будет некому. И я вот чувствую, что это надо делать. Вот этим летом я буду делать (ж, 1966 г.р.).

Казалось бы, процесс восстановления родословной требует скоординированных совместных действий ныне живущих членов семьи, способствует их сплоченности и солидарности, идентификации с воображаемым семейным кланом. Опыт моего исследования демонстрирует ошибочность таких представлений. Устойчивый интерес к поиску корней возникает у одного, максимум двух, членов семьи⁷, для остальных это занятие остается малопривлекательным. Иногда родственники даже стараются дистанцироваться от исследователей родословных, поскольку те затрагивают болезненные вопросы, которые до возникновения их интереса никто и не думал обсуждать. Так попытка создания новой концепции семьи невольно оборачивается провоцированием семейных конфликтов. По этим и другим причинам путешествия в прошлое, как правило, совершаются в одиночку, и со временем могут стать достаточно частыми и регулярными, трансформируясь из приключенческой, эпизодической формы в досуговую.

Генеалогический поиск как досуг

«Рост интереса к корням, - отмечает Дэвид Лоуэнталь, - феноменален. ... Свыше двух третей всех американцев хотели бы знать о своих предках больше; интерес к семейному древу как хобби уступает лишь коллекционированию марок и монет» (Лоуэнталь, 2004: 85). Не удивительно, что увлечения генеалогией и нумизматикой стоят в одном ряду. Генеалогию как досуг можно сравнить с коллекционированием: исследователь родословных «охотится» за документами, фотографиями, рассказами, предками, подобно тому, как коллекционер - за реликвиями. Более того, «генеалогии-коллекционеры» составляют рукописи, публикуют книги об истории рода, пишут собственные воспоминания и мемуары, а также – в продолжение семейного - создают свои собственные архивы, собирая самые невероятные вещи: от дипломов и грамот до чеков на покупку чего-либо. Фактически искатели корней превращают в семейный архив документы, которые до появления их «генеалогической страсти» представляли собой не более чем мусор на антресолях, малоинтересный остальным родственникам.

Генеалогический поиск становится перманентным занятием для людей, имеющих склонность к исследовательской работе, увлеченных историческими изысканиями. Поиск корней «заземляет» абстрактную всеобщую историю, она оказывается интересной и значимой для человека в силу того, что ее создавали собственные предки. История прочитывается впервые или по-новому, словно описываемые события – заслуга самого рассказчика:

...в моей памяти запечатлелось, что когда-то моя тетька сказала, что во время покушения... вот Степан Халтурин, он же взорвал бомбу во дворце, было покушение на Александра II. И как будто

⁷ На основе интереса к родословной более вероятна интеграция людей, не состоящих в родстве. Их сближают общий регион поиска, один архив, подобные исторические источники. Формирование сетей любителей генеалогии позволяет делегировать друг другу междугородные запросы, проводить дистанционные исследования, обмениваться информацией.

бы кто-то, наш дедушка... стоял там в карауле.... Оказывается, охранял Зимний дворец лейб-гвардии Финляндский полк. Значит, надо посмотреть мне историю лейб-гвардии Финляндского полка! ... Я вот хочу где-нибудь еще поискать списки.... В общем, все очень запутано, и я тут вникаю, просто внедряюсь в историю страны (здесь и далее выделено мной – О.Т.). Вот казалось бы, чего мне этот лейб-гвардии Финляндский полк?(ж, 1948 г.р.).

Документ государственного архива, будучи привилегированной формой исторического источника в классической традиции (Хаттон, 2003: 352), в данном случае не является иллюстрацией школьного учебника истории, а становится семейной реликвией, наследием, знаком будущего рода.

Для искателей корней генеалогический поиск как хобби связан также с многочисленными коммуникационными возможностями, зачастую компенсирующими недостаток общения. Реконструкция прошлого основана не на идеях исторического реализма, а на исторической эмпатии. Открытие и «переживание» исторического события способны повлиять на любителя родословной, изменить его:

Вот один у меня очень интересный... пенсионер. ...он говорит, что он в семье своей никому не нужен, никому не интересен, дети, внуки выросли, жене это все не интересно, ему скучно. А это его очень сильно оттягивает, т.е. он этим увлекся очень, и он этим просто занимается. И вот он ходит со всеми знакомится, ходит все это смотрит, исследует, он просто теперь по всем людям с такой фамилией, просто вот так уже (из интервью с профессиональным генеалогом).

Институционализация практической генеалогии приводит к возникновению объединений генеалогов-любителей: клубов (например, клубов однофамильцев), школ, создающихся в Интернете «виртуальных кланов», и т.д. В формировании этих сообществ немаловажна роль профессиональных генеалогов, направляющих любителей в их поиске.

Профессионалы предлагают также различные интерпретации классического понимания генеалогии, позволяющие расширять пространство семейного досуга. Так помимо традиционного понимания генеалогии, которая строится на знаниях о прошлом семьи, появляются альтернативные представления о родословной и, как результат, инновационные генеалогические организации. Пример последней – центр «Семейная родословная», созданный в мае 2004 года в Петербурге на базе Санкт-Петербургской общественной организации «Родословная книга Отечества». Под лозунгом «Начни родословную с себя», центр призывает к написанию современной родословной, где основателем рода провозглашается современник, который первым документировал свои биографические данные, словно иницировав новое летоисчисление. «В результате, - убежден основатель организации, - открылась захватывающая дух перспектива: с одной стороны, исключается кропотливая, нудная работа, почти ничего не надо писать, а с другой – родословная благодаря новому алгоритму появляется у каждого россиянина, причем красивая, подробная и основательная, - а это как раз то, что нам надо» (Миронов, 2004: б). Массовое производство генеалогии, имеющей обратный отсчет, претендует на создание новой традиции перманентного сбора семейной информации, который бы «воспринимался как естественный и необходимый». Кроме того, такой подход к генеалогии позволяет творчески подходить к оформлению родословной: всей семьей изобретать, сочинять и мастерить семейные документы и реликвии: «родословную книгу», «родословный ларец», «герб, гимн и знамя рода».

Составление «ненаучной» генеалогии как вариант досуга претендует на создание образца крепкой сплоченной семьи: «*Такое простое и приятное увлечение научит нас по-доброму относиться друг к другу*» (там же, 5). Здесь моральные уроки не черпаются из прошлого, а диктуются настоящим, когда, к сожалению самодеятельных генеалогов, все реже встречаются браки на всю жизнь и, следовательно, «чистые» родословные. В связи с этим, формуляр для заполнения данных не предполагает «девиантных» случаев разводов, усыновлений, сводных родственников и т.д., задавая тем самым дисциплинарные рамки семейной биографии.

Мне представляется, что изображение Родословной роци (объединение генеалогий нескольких родов – О.Т.), помещенное в каждом российском доме на видном месте, будет с детства воспитывать гордость за свой род и поэтому молодые люди станут осмотрительнее выбирать того, с кем связать свою судьбу, а супруги, прежде чем разойтись и обречь своих детей на безотцовщину, крепко подумают: стоит ли покрывать себя позором и бросать тень на свой род (Миронов, 27).

Созданная таким образом «правильная» родословная призвана стать важной «визитной карточкой» семьи. Подобная «семейная идеология» актуализирует такой, казалось бы, ушедший в прошлое атрибут, как «сословность». Попытки его конструирования можно также наблюдать на примере групп, заново усваивающих «забытые» культурные коды и вновь обретающие утраченные родовые социальные маркеры, имевшие некогда «благородный» статус.

Новые дворяне: клуб или «сословие»?

Сегодня в России и на постсоветском пространстве зарегистрировано около 70 региональных дворянских собраний и инициативных групп⁸. В Санкт-Петербурге насчитывается более десяти общественных организаций, в названиях которых так или иначе упоминается слово «дворянство», но лишь две из них имеют юридический статус: Санкт-Петербургское Губернское Дворянское Собрание (СПБГДС) и Петербургское Дворянское Собрание (ПДС). Названные организации связывает общая история возникновения⁹, однако сегодня между ними разворачивается «борьба за благородство», основанная на различных представлениях о дворянстве и специфике деятельности его представителей.

*Санкт-Петербургское губернское дворянское собрание*¹⁰ объединяет исключительно потомков дворян по мужской линии и насчитывает около 210 человек в возрасте 60-70 лет¹¹. Оно имеет статус общественной неполитической организации, считающейся подразделением Русского Генеалогического Общества. Собрание пользуется профессиональной поддержкой со стороны генеалогов, и потому тяготеет к преимущественно историко-научной, исследовательской и издательской деятельности. Грамотный сбор и хранение информации о дворянских родах Санкт-Петербурга, заверенной профессионалами, является основной обязанностью представителей Собрания. Доскональное знание истории своего рода – единственное артикулируемое отличие современных дворян от представителей других социальных групп. По мнению потомков дворян, истории их семей отличает то, что они заведомо богаче на события, интереснее, привлекательнее для окружающих, способны вызывать пиетет перед ее обладателем. Кроме того, дворянская генеалогия в большей степени обеспечена документально (общественными или семейными архивами).

⁸ Среди них Астраханское, Белгородское, Вологодское, Воронежское, Дагестанское, Екатеринбургское, Нижнетагильское, Западное (Калининградское), Калужское, Кемеровское, Костромское, Киевское, Крымское, Латвийское, Литовское, Кубанское, Курское, Липецкое, Московское – 2, Нижнегородское, Новосибирское, Олонекское, Омское – 2, Оренбургское, Орловское, Осетинское, Одесское, Пензенское, Приморское, Псковское, Ростовское, Рязанское, Самарское, Санкт-Петербургское – 2, Саратовское, Смоленское, Тамбовское, Татарстанское, Тверское, Тульское, Тюменское, Удмуртское, Уфимское, Царицынское (Волгоградское), Ярославское, Переяславль-Залесское, Армянское, Грузинское, Белорусское, Екатеринославское, Николаевское, Харьковское, Эстонское, Южно-Украинское (данные предоставлены Ю.В. Доливо-Добровольским).

⁹ Оба Дворянских собрания произошли из «Петербургского дворянского союза», возникшего в 1989 году в Петербурге на волне постперестроечного интереса к родословным, в частности, к дворянству. «Петербургский дворянский союз» объединял потомков дворян, как по мужской, так и по женской линиям. В 1997 году произошел раскол, и Союз разделился на два собрания, представлявших 1) потомков дворян по мужской линии и 2) как по мужской, так и по женской линиям.

¹⁰ СПБГДС является своего рода преемником «Союза Русских Дворян», который входит в Объединение Европейских Дворянских Ассоциаций и Союзов (создан в 1954 году). Союз Русских дворян был создан в 1925 году в Париже, он продолжает следовать канонам имперского дворянского законодательства. Члены СПБГДС одновременно являются членами «Союза Русских Дворян».

¹¹ Данные за февраль 2004 года.

Претензия на полное соответствие дореволюционным правилам приема в Дворянское Собрание («если бы, допустим, случилось чудо и все вернулось, как было, то все те, кто сейчас у нас в собрании... все бы... были дворянами Российской Империи») не означает воспроизведения ритуалов и способов репрезентации и поведения, принятых в дореволюционных дворянских кругах. Представители СПбГДС стремятся избегать «декоративности» в своей организации: обращений по титулу, специальной одежды и символики. Фактически, Собрание существует исключительно как генеалогический дворянский проект. Его трудно назвать сообществом единомышленников, можно лишь гипотетически представить единение (и вероятнее всего, в форме клуба, посиделок) современных дворян:

В общем-то, все люди оказались из совершенно разных социальных слоев. А какие-то дружеские связи, они вообще не определяются какой-то общностью происхождения предков. В известной мере, конечно, перспективы у этого дела весьма и весьма сомнительные (м., 1962 г.р., дворянин, член СПбГДС).

Тут люди могут собираться по историческому социальному признаку, так как это делали их деды, прадеды, и просто попить чайку, поговорить. Ведь старушки многие до сих пор еще боятся,... на публике предпочитают это публично не афишировать. А... это воспринимается как отдушина. Потом, чтобы это не потерялось (из интервью с профессиональным генеалогом).

Собрание не стремится к популяризации своей деятельности и проведению публичных светских мероприятий, опасаясь общественного отторжения идей селективности («ух, какие-то еще выискались дворяне тут»), и в то же время сохраняя вынужденную, некогда заданную инерцию невидимости для окружающих. Но как бы закрыта, эзотерична ни была группа, она всегда ориентирована на реакцию внешней среды. Из этой перспективы границы дворянства очерчиваются с помощью таких критериев как культурный символизм, публичные репрезентации. Например, городские чиновники и предприниматели, пытающиеся создать новый или разнообразить старый культурный ландшафт Петербурга, воспринимают дворянское собрание как оригинальный ресурс для нововведений: «элемент дворцового интерьера», декора, символ пышности и расцвета российской истории:

Директор или владелец Шуваловского дворца бывшего, Фонтанка, 25 (однажды предложил – О.Т.): «Вот, это был дворец, и сейчас я хочу его возродить как дворец, а дворцам нужно дворцовое наполнение... мне кажется, что ваша организация в состоянии создать дворцовое наполнение. Так что, когда вам нужно, пожалуйста». Мы там сейчас проводим собрания (из интервью с предводителем СПбГДС).

Курьезные случаи, связанные с попытками вступления в СПбГДС, также иллюстрируют процесс выстраивания подобной символической границы, отражающей в некоторой степени театральное, кинематографическое или мифическое восприятие дворянского сословия в современном контексте:

...как сейчас помню, приходит человек и говорит: «Вот, я дворянский потомок, запишите меня к себе». – «Какие-нибудь документы у вас есть?» Он говорит: «А что документы? Вы посмотрите на мой мизинец! Ну, разве это не мизинец благородного человека?» (из интервью с предводителем СПбГДС).

Тожже пришел когда впервые (желающий вступить в собрание – О.Т.): «Да, дворянское происхождение». – «А как, откуда?». Он говорит, и уж тоже ему было лет 50, «Вы знаете, я, - говорит, - не знаю, но у меня с детства такое отвращение к физическому труду, что наверняка я из благородного сословия». Ну, я уж не говорю там, что приносят, обожают приносить фотографии: «Вот видите, моя бабушка в шляпе» (там же).

Дворянское происхождение «бабушки в шляпе» дает право ее потомку вступить в *Петербургское Дворянское собрание*¹², которое в отличие от СПбГДС, более либерально. В нем состоят около 600 человек, в том числе 200 потомков дворян по женской линии. Кроме того, собрание оставляет за собой право наделять дворянским титулом по заслугам, «по статусу».¹³ Помимо восстановления родословных, своей основной миссией ПДС провозглашает «возрождение дворянских традиций и патриотических чувств у молодежи». Предполагается, что эта идея может быть реализована посредством просветительской деятельности членов Собрания (чтения лекций, в том числе, и выездных, по литературе, религиоведению, истории, в учебных заведениях и лекториях), а также организации балов и праздничных вечеров.

Стремление к публичной презентации новых (т.е. «дремавших», но возрожденных в постсоветский период) культурных форм Леонид Ионин объясняет тем, что именно эта их сторона, в отличие от доктринальной, позволяет привлечь внимание общественности, увеличить число сторонников субкультурных групп. Поиск новых групповых идентичностей, таким образом, приобретает форму культурных инсценировок, стилизаций (см. Ионин, 1996: Гл.5-6). Так в инсценировках современных дворян задействованы культурные коды «благородного досуга»: балы, вечера, рауты, костюмы, танцы и т.д. Названия дворцов и усадеб Санкт-Петербурга, рефреном звучащие в рассказах представителей Собрания, служат особым маркером вписанности дворян в городскую географический и культурный ландшафт. С другой стороны, они словно сами создают этот ландшафт, делают его, по их мнению, «культурным».

«Новых дворян» отличает эклектика самопрезентаций, в которых осуществляется попытка аккумуляции всей имперской истории России (уж если исполнять на Рождественском вечере гимн Российской империи, то сразу оба). В описаниях статусных характеристик, ритуалов, типов активности, а также топографии дворянских мероприятий представители Собрания используют, казалось бы, невероятное сочетание и взаимоналожение элементов советского, дворянского, церковного (православного) и современного светского языка. Такой вариант пограничного языка, своего рода «суржика», возникает, на мой взгляд, в результате смешения и переплетения исторических знаний, семейных преданий и жизненного опыта современных дворян, приобретенного в советскую эпоху. Нарратив представителя Собрания подобен лоскутному одеялу, в узоре которого угадываются порой взаимоисключающие культурные коды и практики:

*А Пасхальный вечер мы проводили 16-го числа в ДК «1 мая». ... Там зал большой. Все проходят в зал. Сначала проводится небольшой молебен.... После молебна идет концерт. ... После этого... все переходят во второй зал. Накрыты там столы с куличами, свечи, благословление куличей, произнесение тостов, т.е. «Христос воскрес». ... Мы входим туда **полонезом**, конечно, а местный **диджей** уже потом начинает тоже нам помогать (из интервью с предводителем ПДС).*

*Мы... **шефствуем** над Смоленским кладбищем. ... над определенным участком. Устраиваем там так называемые **субботники**, каждый год у нас там. Приходят **дворяне с метлами**, убираются, работают (там же.).*

*На «**Авроре**» мы отмечаем все время события морские, в частности, события Японской войны, мы делали доклады по этому поводу на «Авроре». Теперь у нас будет встреча на «Авроре» по поводу Цусимского сражения. **Потомки** участников **Цусимского сражения** (там же).*

¹² ПДС неформально считается «филиалом» Российского Дворянского собрания и во многом придерживается его политических и идеологических воззрений. ПДС нередко выступает делегатом от официальной власти на государственных приемах европейских дворянских фамилий. «Родство» с московской дворянской организацией позволяет этому собранию позиционировать себя как «славянофилов». В то же время содружество СПбГДС с Союзом русских дворян в Париже расценивается как «западничество».

¹³ В дворянский титул могут конвертироваться как советские звания, так и воссозданные в современной геральдике дореволюционные награды. Например, награждение орденом Николая Чудотворца, восстановленного в современной российской геральдике, дает право на введение во дворянство.

22 января в Маринском дворце состоялось торжественное мероприятие Петербургского Дворянского Собрания в честь 60-летия снятия фашистской блокады, организованное при участии депутата Законодательного Собрания И.Риммера. Были приглашены дворяне – ветераны войны, фронтовики и жители блокадного Ленинграда¹⁴.

Подобная языковая игра связана с активным перемещением дворян в культурном поле, выходящем за пределы Собрания. «Культурная мобильность» представителей организации позволяет поддерживать широкий общественный интерес к ней, а вместе с ним и само дворянское «сословие». Например, некоторые члены ПДС обучаются классическим балльным танцам, участвуют в различных костюмированных представлениях, например, «Дружине витязей», в массовках исторических фильмов и стилизованных клипов. «Приватизированной» истории отводится функция декорации. Не имея возможности восстановить аутентичный исторический контекст, представители дворянских собраний творят вокруг себя игровое пространство, в котором он может быть воссоздан:

Однажды лет пять-шесть тому назад к нам пришел режиссер, ему потребовались типажи XVIII-XVII века, лица потомков дворян. Меня сразу забрали, я попал в картотеку Ленфильма. Оказывается, когда меня загримируют, то я... для XVIII, XIX-го... очень подходяще получается. Мы вот участвуем в этих киносъемках. Я уже участвовал... 30 или 40... я уже перестал считать (из интервью с предводителем ПДС).

Именно этого игрового пространства и избегают представители другого Собрания. Исходя из факта необратимости истории, они понимают дворянскую традицию формально: как соблюдение генетического наследования фамилии и, соответственно, титула. Для членов ПДС этой традицией, скорее, является проведение ежегодных Рождественских балов. Различия концепций дворянских собраний отчетливо видны на примере баек и анекдотов, которые имеют хождение в обеих организациях:

Они без конца там устраивают какие-то вечера, какие-то... и называют это пышно... «Дворянский бал». ...я знаю то Собрание, там из 150 человек дворян-то 10 человек, так что «Дворянский бал» - это неправильно... это действительно часто выглядит смешно. ...наверное, шьют заново какие-нибудь такие, как бы дворянского покроя платья... (из интервью с предводителем СПбГДС).

Из его собрания (СПбГДС – О.Т.) перебегают в наше, потому что у них там не интересно. Они проводят один раз в год... или два раза в год собрания такие организационные и все (из интервью с предводителем ПДС).

Итак, современные дворянские организации представляют собой пример достаточно закрытых клубов по интересам, привлекая своих последователей разнообразием культурных практик: от околонучного кружка до поэтического салона. «Традиция, лишённая содержания...», - отмечает Э.Гидденс, - превращается либо в часть исторического наследия, либо в китч – безделушку из сувенирного магазина в аэропорту» (Гидденс, 2004: 60-61). В ситуации с дворянством и тот, и другой вариант – лишь свободная интерпретация генеалогического материала, творческое отношение к нему.

Плен прошлого - свобода от настоящего?

¹⁴ Из «Хроники дворянской жизни (октябрь 2003 – январь 2004 г.)» (материалы предоставлены Ю.В.Долово-Добровольским).

Интерес к семейной истории и его репрезентации вовсе не ограничиваются рассмотренными случаями. Казалось бы, что нового и интересного в том, что наши современники увлекаются поиском своих корней? На мой взгляд, эффект практической генеалогии сегодня связан именно с «приручением» прошлого. Выгляда, по сути, анахронизмом, восстановление генеалогии оказывается востребованным обществом в ситуации «вакуума» традиций. Согласно Э.Хобсбауму, традиция изобретается, когда старые социальные модели и институты адаптируются к новым условиям и используются в целях, озвученных современностью. Так формируется и воспроизводится набор практик, которые непосредственно связаны с прошлым и прививают его нормы и ценности (Hobsbawm, 2000). Если в классическом представлении родословная – это преимущественно механизм регистрации, статистический инструмент и маркер сословного отличия, то сегодня это способ выражения самобытности, самопрезентации, нахождения смысловой опоры индивидуальной биографии, обоснования успешности или неуспешности собственного жизненного пути. Кроме того, генеалогия, ориентированная на поиск предков и/или на создание «семейного портфолио» для потомков, предоставляет возможности семейной, клубной, виртуальной социальной интеграции. Массовое увлечение генеалогией открывает новые досуговые, профессиональные и рыночные ниши, провоцирует развитие современных творческих индустрий.

Между тем свобода памяти и свобода интерпретаций истории актуализируют целый пласт проблем современной культуры. Оказывается, что наш современник, не находящий социальных ориентиров в современных реалиях, совершенно осознанно (а не инерционно, в соответствии с многовековыми традициями) выбирает для себя образцы поведения прошлых поколений, снимая с себя ответственность за самостоятельную биографическую работу, поиск себя. Но так ли уж безмятежно пространство определенности, устойчивости, и независимости, подаренное прошлым? Переинтерпретируя собственный жизненный сценарий и трансформируя его в исторический семейный нарратив, человек балансирует между уверенностью в своих силах и зависимостью от прошлого. Как не попасть в его плен? Возможно ли, пытаясь скрыться от рисков настоящего, избежать ограничений, заданных прошлым? Мне думается, что эта зависимость легко разрушается пылом творчества, страстью приключения и создания, хотя и игровой, но новой для обладателя родословной реальности. И тогда приватное, личное, семейное прошлое становится (микро)историей, а сам искатель – творцом в эпоху, когда, казалось бы, все уже сочинено и изобретено, когда все самые прекрасные произведения уже написаны и посвящены его пра-прапрабабке.

Освобождение системы оценивания минувших событий от прежних канонов вызывают и другие опасения. Кто решает, что помнить и когда вспоминать? Какие акценты расставляются в воспоминаниях? Что публикуется и принимается за поведенческий образец, а что – забывается? Эти вопросы становятся политическими в условиях, когда память оказывается «убежищем» и даже судьбой. То, каким образом, кому и при каких обстоятельствах рассказана устная история, составляет поле профессиональной этики и моральной ответственности тех, кто ее впоследствии пишет.

В современном общественном российском дискурсе идеи пересмотра прошлого и построения нации нового типа – «просвещенной, самобытной и процветающей» – нередко артикулируются в виде лозунгов, провозглашающих кровное превосходство одних людей над другими. Идеи избранничества на основе социально-классового происхождения возможно, не так взрывоопасны, как этноцентристские представления, но и они, на мой взгляд, таят в себе вероятность проявления нового фундаментализма, дискриминационных практик и ксенофобии, искажения принципов гражданства. Вот лишь один из многочисленных примеров нерелевантного, имплицитного «взвешивания» родословных:

Государственный музей А.С.Пушкина открыл для всех желающих двери генеалогического фонда. Здесь можно проследить свои корни со времен Екатерины Великой вплоть до наших дней. Мы решили туда заглянуть: а вдруг и в наших жилах течет голубая кровь? Или, на худой конец, узнать, какие поля вспахивал наш прадед (Журавлева, Парамонова, 2001, 5).

Будет ли «приватизация» истории означать лишь ее «огораживание», переписывание через призму оппозиционной системы оценивания, разворот смыслов на 180 градусов, когда «минус» меняется на «плюс», «жертвы» - на «героев», «победители» - на угнетателей, или диалог этих систем, создание культурных альтернатив, атмосферы толерантности в обществе? Эти вопросы настораживают и самих современных историков, положивших живую, пластичную коллективную память на алтарь идеологии социальной эмансипации, и с ужасом наблюдающих, как она подчас «оборачивается своей противоположностью и превращается в форму замкнутости, мотив исключения и орудие войны» (Нора, 2005: 208).

Сегодня в России параллельно с восстановлением семейных корней идет активный поиск родословной страны. Вопрос «откуда есть пошла русская земля (современная Россия – О.Т.)?» остается открытым. В национальных дебатах ведется поиск объединительного начала, точки отсчета, нового летоисчисления, лишённого советских коннотаций. В связи с этим, например, мемориализация ничего не значащего для современников дня «освобождения Москвы от польских интервентов и фактического окончания Смутного времени» в 1612-м году как Дня народного единства 4 ноября¹⁵ вместо отягощенного идеологическими клише 7 ноября выглядит как чистая идея объединения. Но не только. Процесс национальной, официально иницируемой коммеморации несет в себе риск создания новых исторических шаблонов, противоречащих творческому порыву описываемых здесь гражданских инициатив. Сможет ли в таком случае мой знакомый, имеющий польские корни, по-прежнему гордиться своей историей и озвучивать ее, если в стране станет принято чествовать «подвиг народного героя Ивана Сусанина»?

Литература

- Hobsbawm, E. (2000). Introduction: Inventing Tradition. In: E.Hobsbawm E., T.Ranger (Eds.). The Invention of Tradition. Cambridge. Cambridge University Press.
- Nora P. (1989). Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations No.26. Spring, 1989. P.7-25.
- Бауман З. (2002). Индивидуализированное общество. М.: Логос.
- Бек У. (2000). Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция.
- Бударин Л. (2000). Кто мы и откуда?.. // Крестьянская Россия, 12 декабря.
- Галкина Н. (2002). Знает предков до седьмого колена // Кировская правда, 18 января.
- Гидденс Э. (2004). Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд-во «Весь мир».
- Журавлева К., Парамонова В. (2001). Товарищ, а ведь Ваш прадед был дворянином // Российская газета, 1 августа.
- Здравомыслова Е., Ткач О. (2004). Генеалогический поиск в современной России: реабилитация «истории» через семейную «память» // Ab Imperio №3, 2004. С.383-407.
- Зиммель Г. (1996). Приключение // Зиммель Г. Избранное. Т.2. Созерцание жизни. М.: Юрист
- Ионин Л. (1996). Социология культуры. М.: Логос.
- Лоуэнталь Д. (2004). Прошлое – чужая страна. СПб.: Изд-во «Владимир Даль».
- Миронов Ю. (2004). Пишем родословную книгу. СПб.: Родословная книга отечества.
- Нора П. (1999). Франция-память. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Нора П. (2005). Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. №2-3. С. 202-208.
- Ростова Е., Петухов С. (2005). Ген за царя // Власть, №11.
- Сандомирская И. (2001). Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien. Wiener Slawistischer Almanah Sonderband 50.
- Ткач О. (2005). «Мы ищем – Вы находите»: профессиональное поле практической генеалогии. – В: П.В.Романов, Е.Р.Ярская-Смирнова. (Ред.) Антропология профессий: Сб. науч.ст.

¹⁵ См. об этом, например, Ростова, Петухов, 2005: 58-60

Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований; Изд-во «Научная книга», 2005. С.403-432.

Хаттон П. (2003). История как искусство памяти. СПб.: Изд-во «Владимир Даль».